

Обелиск над Донцом

*«Мы хороним тебя без гроба,
Без цветов, без речей, без плача.
И не скажем ни слова, чтобы
Оправдаться. Нельзя иначе».*

Ю. Воронов

Солдата похоронили на рассвете. В суровом молчании стояли над могилой товарищи по оружию. Всколыхнули прозрачную синь неба сухие залпы прощального салюта. Огрызком чернильного карандаша бойцы вывели на куске фанеры скупые слова: «Пал смертью храбрых...» Укрепили фанеру над свежим холмиком земли и ушли на восток. Ушли, чтобы возвратиться с победой...

Было это в Донбассе, в излучине Северского Донца. Солдат погиб в мае тревожного сорок второго. Шёл солдату в ту пору пятнадцатый год...

Непривычно пустынно в школе. Тихо в классах, не видно шумливой, озорной детворы. Жалобно позвякивают стёкла в оконных рамах – за селом рвутся снаряды, – слышен треск пулемётов. Фронт – рядом.

Сторож Павел Кузьмич Архипенко стоит на пороге школы, щурит в небо близорукие глаза. Там, в вышине, надрывно воют серые, зловещие «юнкерсы» – летят к переправам через Донец.

– Ишь, ироды, нету на вас погибели! – качает головой старик.

– Ничего, деда, мы ещё покажем фашистам! – кричит с улицы сероглазый мальчуган, словно угадав мысли Кузьмича. До сих пор Коля Белостоцкий видел войну только в кино. Восхищался подвигами «красных дьяволят», мог три сеанса подряд смотреть «Чапаева». Не случайно друзья-пятиклассники прозвали Колю Чапаем. Не по годам рослый, сильный и ловкий, он был признанным вожаком ребячьих игр, запевалой, верховодом.

Много раз ходил Коля с друзьями по пионерскому отряду в дальние походы, встречал зорьку у костра, окунался в прохладные струи Бахмутки, играл со сверстниками в «красных» и «белых». В трудную минуту он всегда повторял свою любимую поговорку: «Чапай не сдаётся!» И вот теперь, глядя на проплывающие в осеннем небе бомбардировщики с разбойничьими крестами на крыльях, Коля Белостоцкий до боли сжимал губы: «Чапай не сдаётся!»

...Прижалось к земле, притаилось, спряталось в погребах и подвалах всё живое в селе. В школе – тюрьма, на площади – виселица. И всюду – серо-зелёные шинели, чужая, картавая речь, оскорбительное, как удар хлыста, «хальт!». А ведь линия фронта недалеко. По ночам пылает огнём горизонт, прошивают небо разноцветные строчки трассирующих пуль и снарядов. В одну из таких ночей, когда упал на землю холодный, густой туман, взорвали осеннюю темень выстрелы, загремело за околицей дружное, раскатистое «ура».

– Наши! Мама, наши! – вихрем сорвался Коля с постели, пулей – на лестницу. – Куда ты, сынок, убьют ведь! – всплеснула руками Клавдия Ивановна. Но где там! Хлопнула крышка люка, заметались по стенам подвала тени от зажжённого наспех «каганца». Умчался Чапай...

До утра кипел бой у села Яма. Крепко помог Коля Белостоцкий бойцам разведывательного батальона. Отважный мальчик показал разведчикам, где находится немецкий штаб, подробно описал расположение вражеских огневых точек, подносил боеприпасы, перевязывал раненых. Но силы были неравны. И когда рассвело, командир батальона отдал приказ отходить... Прижавшись к хатам, к заборам и плетням, уходят разведчики. Замыкает цепочку стройный мальчуган с трофейной винтовкой на плече. Старенький дед Кузьмич щурит близорукие глаза, провожает взглядом солдат, шепчет: – В добрый час, Чапай!

...Шли ожесточённые бои. Яма и окрестные села неоднократно переходили из рук в руки. На самые трудные участки, в самое пекло боя бросали отдельный разведывательный батальон. Даже бывалым разведчикам, закалённым солдатам, приходилось нелегко. Коля и виду не подавал, что ему трудно, что скучает он по матери, по маленькой сестрёнке Лиде. Ладно облегал его стройную фигуру военная форма, небрежно болталась на поясе кобура нагана. Заправским разведчиком стал Чапай, возмужал, подрос.

Но хотя Коля и полюбил военную форму, привык к ней – носил он её редко. В самом деле – не пойдёшь же «в гости» к фашистам в полном наряде. И когда из блиндажа выходил подросток в дырявом пальтишке, в засаленном треухе и громадных, не по ноге сапогах, разведчики восхищенно кричали:

– Ай да Колька! Артист, ей-богу, артист!

«Артист» шмыгал носом, делал плаксивое лицо и начинал канючить:

– Дядечку, корову не бачили? Рыжая такая корова, и левый рог сбитый... Манькой кличут... Третий день ищу, хай ей бис, этой Маньке...

В таком наряде бродил отважный разведчик от села к селу, смотрел, запоминал, подсчитывал. И не только смотрел...

Однажды мотоциклист – связной немецкого штаба – увидел на дороге подростка, который предостерегающе махал руками, указывал на бугорок земли посреди дороги:

– Мина! Осторожно, пан, мина!

Фашист слез с мотоцикла, склонился над бугорком. Коля мгновенно выхватил из-за пазухи наган и рукояткой оглушил связного. «Язык» пришёлся весьма кстати, наше командование получило ценные сведения.

Много раз переходил Коля линию фронта. Это он забросал гранатами немецкий штаб на Ямском доломитном комбинате. Это он пробрался в самое логово оккупантов и, рискуя жизнью, захватил планшет с документами фашистского полковника. Слава о бесстрашном паренёке катилась от села к селу.

...Звенит птичьими голосами, весенней капелью молодой лес. На поляне построился батальон. Торжественны лица разведчиков, радостью светятся глаза солдат.

– Рядовой Белостоцкий! Выйти из строя!

Коля делает два шага вперед, поворачивается лицом к своим боевым товарищам. Командир прикрепляет к его груди новенькую, сверкающую медаль «За отвагу»... Эх, вот бы увидели отец, мать, как бы порадовались они за сына! Ничего, он обязательно, непременно встретит отца. Это будет, конечно, в Берлине, в радостный час Победы.

...Не дожил юный солдат до светлого дня Победы. Но герои – не умирают. И теперь, десятки лет спустя, он, как живой, шагает в нашем строю, борется, побеждает...

Публикуется по: Яновский Г. Обелиск над Донцом // О подвигах, о доблести, о славе. 1941–1945 гг. / сост. Г. Н. Яновский. – Москва : «Детская литература», 1981.